

АГИОГРАФИЯ В РУССКОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 821.161.1.0; 82-941

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ АГИОГРАФИИ

А. Г. Дорофеева¹

Обозначены основные проблемы изучения русской агиографии. В качестве одной из ключевых отмечается проблема целостного анализа агиографического текста в единстве содержания и формы. Рассматривая житие как жанр церковный, как одну из форм Священного Предания, автор поднимает вопрос о методологии анализа, предлагая соединить принципы агиологии и литературно-филологического изучения агиографического текста. Делается особый акцент на осмыслении категории агиографической топики, связываемой с понятием этикетности. Это понятие рассматривается в полемическом ракурсе, как не соответствующее в полной мере генезису и функции агиографических топосов. Делается вывод об определяющей роли мировоззрения и типа мышления агиографа, лично причастного и конкретно-историческому времени, и Церковному преданию, в котором создается житие, а следовательно, и его формы. Поднимается также проблема исследования русской агиографической литературы Нового и Новейшего времени.

***Ключевые слова:** история русской литературы, жанр, агиография, агиология, агиографический канон, агиографический топос, поэтика.*

Агиография² представляет собой весьма значительный пласт русской словесности и занимает одно из ключевых мест в истории русской литературы. История русской агиографии насчитывает столько

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 18.04.2017 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2017-1-1

© Дорофеева Л. Г., 2017

² Под агиографией мы понимаем «раздел христианской литературы, объединяющий жизнеописания христианских подвижников, причисленных Церковью к лику святых, и чудеса, видения, похвальные слова, сказания об обретении и о перенесении мощей» [2, с. 283], то есть житийную литературу о святых и святости.

же веков, сколько существует русская словесность, ибо начинается в XI веке с переводных памятников, составлявших до XV столетия большую часть всего корпуса агиографических текстов. Почти сразу же, в середине XI века появляется собственно русская агиография (открытая Борисоглебским циклом) и становится благодаря своей включенности в круг Уставных чтений в Древней Руси самым распространенным жанром книжности (не считая богослужебных текстов), который обеспечивал читательские запросы не только тогдашней интеллектуальной элиты, но и широких слоев общества. Об особом влиянии переводной агиографии, житийной литературы в целом на сознание древнерусского человека, как и на формирование национальных идеалов, сказал еще на заре XX века Н. К. Никольский:

Уставным Чтениям выпало на долю быть *главным источником русских духовных идеалов* (курсив мой. — Л. Д.). <...> Жития святых полны примерами живой склонности к аскетизму, пробуждавшейся в отроческие годы у будущих подвижников под влиянием слышанных в церкви божественных писаний, то есть отеческих творений и житий. Вообще, *склад идеальных понятий древнерусского человека и его убеждений свою коренную основу имел в том учении, которым Церковь наделяла его в Уставных Чтениях* (курсив автора. — Л. Д.) [13, с. 225].

Продолжим эту мысль Никольского: благодаря древнерусскому периоду, в который это «склад идеальных понятий» сформировался, он стал органичным русскому сознанию и определил ценностные доминанты русской культуры, истории, словесности.

Нужно сказать, что при всем понимании значимости рассматриваемого жанра в литературе Древней Руси его изучение в советский период было недостаточным, в том числе с точки зрения известных медиэвистов того времени, высказавшихся об этом, правда, уже в постсоветские годы. Так, в одной из последних своих статей В. О. Творогов (который, как известно, продуктивно работал над составлением сводов житий), замечает:

Жития святых как по своему значению в формировании христианского мировоззрения, так и по богатству своего репертуара являются важнейшим компонентом древнерусской литературы... [но] *даже оригинальная русская агиография*, к изучению которой на протяжении последних двух веков обращались десятки исследователей, *в настоящее время представляется областью, требующей нового, более репрезентативного и глубокого изучения* (курсив мой. — Л. Д.) [15, с. 115].

Что же говорить о переводной древнерусской литературе, которая с XI по XV век составляла «основную часть агиографического репертуара», но практически не исследована, о чем и пишет О. В. Творогов: «этот богатейший раздел древнерусской книжности изучен еще очень плохо... <...> Мы располагаем лишь единичными исследованиями и изданиями переводных житий» [15, с. 115]. К таким единичным можно отнести издание *Жития Андрея Юродивого*, подготовленное А. М. Молдованом [7, с. 541], а также исследование этого произведения, выполненное А. Л. Юргановым [9], или *Жития Евстафия Плакиды* О. В. Гладковой [5, с. 910] и некоторые другие, что в целом, конечно, проблемы не снимает. Как отмечал Д. М. Буланин в 1995 году, говоря о восточнославянской переводной литературе, «история этой литературы — единой восточнославянской — так и не написана...» [4, с. 20], что справедливо и по отношению к нашим дням.

Таким образом, одним из актуальных сегодня, как и ранее, является вопрос о критическом издании древнерусских агиографических памятников, об их текстологических исследованиях, переводе и изучении. К сожалению, в отечественной истории агиографии нет ничего подобного тому опыту, которым обладает западная медиевистика в лице Общества болландистов. Оно возникло в XVII веке внутри иезуитского ордена и тогда же положило начало изданию серии «Acta Sanctorum»³. Сегодня развивается научное направление, связанное со школой болландистов, — критическая агиография, выросшая из этой серии критического издания житий⁴.

Не менее, а может быть, и более актуальными в связи с изучением древнерусской агиографии (и не только древнерусской, но и агиографии как таковой) являются вопросы методологии. В практике ана-

³ «Acta Sanctorum» (лат. — *Деяния святых, Акты святых*) — «крупнейшее собрание житий, текстов и документов о жизни святых. Идея издания принадлежит бельгийскому иезуиту Г. Росвейде (1569–1629)... первые тома опубликованы в 1643 г. В 1940 г. вышел 68-й т., охвативший месяцы с января по ноябрь; ни одного тома за декабрь до сих пор так и не появилось. <...> В основу издания был положен строгий историко-критический метод; тексты публиковались по всем доступным рукописям, снабжались основательными и достаточно объективными введениями и комментариями. К отдельным томам прилагаются тематические исследования (в частности, о папах и патриархах). В ранних томах греч. жития представлены часто лишь лат. переводами. Жития православных святых, подвизавшихся после сер. XI в., в издание не включались» [2, с. 420].

⁴ Его представителем в России является В. М. Лурье, издавший свое исследование «Введение в критическую агиографию» [12].

лиза древнерусской агиографии (а системных теоретических разработок в области изучения агиографии на протяжении всего XX века не велось) мы наблюдаем разные подходы и цели исследователей, которых привлекают различные аспекты агиографического произведения. В этой связи можно отметить следующие направления:

1) традиционно сложившееся *направление текстологических изысканий*, которое всегда предваряет и сопровождает все дальнейшие исследования;

2) изучение *формальной стороны агиографического текста*, связанной, главным образом, с проявлением каноничности: общих мест (топосов), сюжетно-композиционных схем, стиля и т. д.;

3) исследование *смысловой, идейно-мировоззренческой стороны житий*, концентрирующей себя вокруг лика изображенного святого.

Далеко не всегда встречается соединение этих аспектов в единый целостный анализ. И это не случайно. В. М. Живов, определяя агиографию как «научную дисциплину, занимающуюся изучением житий святых» [6, с. 8], перечисляет аспекты изучения житийной литературы: «историко-богословский, исторический, социально-культурный и литературный» [6, с. 8]. При этом основным для всех перечисленных им типов исследования он называет именно *литературно-филологическое изучение текста жития*, видя в нем возможное основание для целостного анализа житийного произведения. Ведь именно проблема его *целостного анализа – в единстве содержания и формы* – была и остается сегодня нерешенной.

Как нам видится, любое разделение исследования объекта на аспекты изучения не означает их оторванности друг от друга. И литературно-филологическое изучение агиографии непременно включает в себя – как условие изучения текста – историко-богословский и социально-культурный аспекты, а также исторический, неотделимый, впрочем, от историко-богословского. Это связано со спецификой происхождения и главной функцией агиографической литературы, о которой сказал в своем словаре В. М. Живов: «Характер агиографической литературы непосредственно соотнесен со всей системой религиозных воззрений, различиями религиозно-мистического опыта и т. д.», – считая при этом, что именно агиография как специальная дисциплина «изучает весь этот комплекс религиозных, культурных и собственно литературных явлений» [6, с. 11].

На протяжении многих лет литературоведы, обращавшиеся к изучению житийной литературы, уходили от смысловой ее составляю-

щей, будучи убежденными в том, что литературоведческий анализ заключается в «изучении литературной истории житий, их жанров, установлении *типичных схем их построения, стандартных мотивов и приемов изображения* и т. д.», то есть того, «что относится к сфере *литературного этикета*» (курсив мой. — Л. Д.) [6, с. 9]. Но возникает вопрос: куда тогда можно отнести изучение содержательной стороны текста? И особенно того, что составляет цель и смысл житийной литературы, а именно — образ святого, содержание его подвига, особенности святости и т. д.? Вся эта содержательная сторона жития, связанная с образом святого, и сегодня выводится некоторыми учеными за рамки литературоведческого исследования в силу ее богословского содержания и относится к *агиологии*⁵.

Как *агиология* взаимосвязана с понятием *агиографии*? Термин «агиология» относится к богословским, считается неустоявшимся, но близким *агиографии*. В. М. Живов пишет, что «*агиология* (от гр. *agios* «святой» и *logos* «рассуждение») — то же, что *агиография*», но при этом делает акцент на отличии:

...если *агиография* рассматривает жития как памятники религиозной и литературной истории той эпохи, когда житие создавалось, то *агиология* сосредоточивает свое внимание на самом святом, типе его святости и восприятии этого типа в различные эпохи [6, с. 12].

К разделу богословия, «в задачу которого входит изучение святости как явления благодати Божией в мире, святых и их почитания, путей достижения святости» [1, с. 252–253], относит *агиологию* и автор соответствующей статьи в Православной энциклопедии, видя ее основной целью, которую сформулировал в свое время еще о. Павел Флоренский, «*познание святых, строения их личности, законов их жизни, своеобразия их опыта и их мышления, отношения этих законов, этого опыта, этого мышления к обычным, свойственным грешному человечеству...*» (курсив мой. — Л. Д.) [цит. по: 1, с. 252]. В качестве исследований данного направления в списке литературы к указанной статье (помимо прочих) приводятся известные труды Г. П. Федотова, И. Кологривова, И. М. Концевича и др. Но заметим, что современные иссле-

⁵ Хотя заметим, что на практике в последние десятилетия все чаще наблюдается соединение этих подходов, стремление рассматривать житие в содержательно-формальном единстве. Тому много примеров: хотя бы в продолжающемся издании сборника «Герменевтика древнерусской литературы», в исследованиях А. Н. Ужанкова, О. В. Бахтиной, В. М. Кириллина, А. М. Ранчина и др.

дователи житийной литературы опираются в своих работах на этих же авторов, и особенно часто — на труды Г. П. Федотова⁶. И что же, как не «познание святых, строения их личности, законов их жизни, своеобразия их опыта и их мышления», интересуется В. Н. Топорова в его фундаментальном исследовании «Святость и святые в русской духовной культуре»? Это говорит о такой близости задач агиографии (в значении научной дисциплины) и агиологии, что их трудно разграничить. Хотя Т. Р. Руди, исследуя топику житий как проявление схематизма, вполне обоснованно отграничивает агиологию от своего агиографического исследования. Например, в связи с характеристикой житий о *святых женах* исследовательница упоминает работы Г. П. Федотова и И. Кологривова именно как агиологические («...случилось так, что авторы агиологических исследований обычно посвящают святым женам особый раздел» [14, с. 94]) и не привлекает их труды в цитируемое исследование. И это понятно и оправданно: так как целью Т. Р. Руди в данной работе не является раскрытие смыслового содержания образов святых, топосы рассматриваются ею в контексте *концепции литературного этикета*, выдвинутой Д. С. Лихачевым. И даже «содержательные составляющие художественного текста», которые вычлняются Т. Р. Руди как постоянные, повторяющиеся — «образ, мотив, сюжет, идея и т. п.» [14, с. 60–61], — номинируются ею как *устойчивые идеи*, или мотивы, но не рассматриваются в житийном произведении как системе *целого*, организованного целью изображения *лица святого*. Т. Р. Руди пишет: «Топика как элемент средневекового художественного канона базируется... на двух принципах: *следовании литературному этикету* и *ориентации на образцы (imitatio)*» (курсив автора. — Л. Д.) [14, с. 62]. И далее приводит цитату Д. С. Лихачева, раскрывающую основной принцип связи формы и содержания, на который до сего дня ориентируются многие в своем изучении житий: «Литературный этикет и выработанные им литературные каноны — наиболее типичная средневековая *условно-нормативная связь содержания с формой*» [11, с. 80–81]. По утверждению академика Лихачева, это означает следующее:

[в средневековой литературе] из произведения в произведение переносилось в первую очередь то, что имело отношение к этикету: речи, которые *должны* были быть произнесены в данной ситуации, поступки, которые *должны* были бы быть совершены действующими лицами при данных

⁶ См. работы В. М. Живова, В. Н. Топорова, С. А. Иванова, В. Лепехина, А. М. Ранчина, О. Н. Бахтиной и др.

обстоятельствах, авторская интерпретация происходящего, приличествующая случаю, и т.д. Должное и сущее смешиваются (курсив автора. – Л.Д.) [11, с. 89].

Надо заметить, что уже В.П. Адрианова-Перетц указывала на не столь уж жесткую зависимость содержания древнерусского произведения от литературного этикета, правда, применительно к «учительной» литературе. В.Н. Топоров, идя в магистральном понимании смысла русской святости вслед за Г.П. Федотовым, раскрывает глубокое духовное содержание образов, мотивов, сюжетов и проч. Вернее, эта повторяемость не означает отсутствия внутреннего смыслового развития, не превращается для исследователя в застывшую схему. Заметим также, что в своем словаре агиографических терминов В.М. Живов, хоть и связывает интерпретацию агиографического текста с «предварительным рассмотрением того, что относится к сфере литературного этикета» [6, с. 9], но одновременно, приводя в пример мученическое житие, отмечает:

...стандартные мотивы обусловлены *не только* ориентацией одних произведений на другие, но и *христоцентричностью самого феномена мученичества*: мученик повторяет победу Христа над смертью, свидетельствует о Христе и, становясь «другом Божиим», входит в Царство Христово. Эта *богословская канва мученичества* естественно отражается и в структурных характеристиках мученических актов (курсив мой. – Л.Д.) [6, с. 10].

Тем самым В.М. Живов указывает на *первопричину так называемых «стандартных мотивов» – христоцентризм агиографии как таковой.*

Переосмысливает, или, вернее, предлагает свое понимание того, что принято называть «этикетностью», А.В. Каравашкин, который выдвигает иной термин для ее обозначения – «обычай». Можно спорить о термине, но нам видится правомерной сама позиция исследователя, считающего «обычай», в отличие от «этикета», принципиально некодифицируемым понятием:

Писатели учились на примере образцовых произведений, сами при этом не оставляя для потомков каких бы то ни было тщательно разработанных руководственных правил. Подражание авторитетным текстам... было заключено не в теоретических высказываниях, но в писательской практике, узусе средневековой книжности [8, с. 36].

А. В. Каравашкин говорит о «предопределенности и предрешенности», которые есть в понятии «этикет», и пишет, что «этикетному формализму противостоит свобода авторских намерений» [8, с. 513], почему и вводит понятие *обычая*, свободного от *предрешенности*.

Безусловно, поэтика житий включает устойчивые мотивы, образы, сюжеты и т. д., то есть топосы, — как и определенную житийную сюжетно-композиционную схему, зависимую от типа святости. Но генезис и духовная природа этих топосов и этой схемы все же, по нашему убеждению, не *этикетны*, не *шаблонны*, как не этикетна сама святость. Трудно себе представить, что подвиг святого совершался по *этикету* или даже по *анalogии*, а не в *уподобление* и не в *последование* Христу как *Образцу* совершенства и одновременно как *Участнику* совершаемого святым пути спасения. Или что агиограф «воссоздает поведение по аналогии», потому что «считает, что этикетом целиком определялось поведение идеального героя» [10, с. 89]. Не случайно Т. Р. Руди, приводя эти слова Д. С. Лихачева, все же стремится уточнить высказанную им мысль:

Аналогия в данном случае — это тот образец, на который ориентируется агиограф, создавая (заметим, тут точнее высказывается Д. С. Лихачев: «воссоздавая». — Л. Д.) образ прославляемого подвижника; иными словами, автор жития *возводит образ к первообразу, или сакральному образцу* (курсив мой. — Л. Д.) [14, с. 63].

И далее она указывает на имеющиеся в данном направлении исследования. Но и эта мысль, как нам видится, требует уточнения: на наш взгляд, последовательность в способе изображения агиографом святого иная: не *он* — агиограф — *возводит* образ к *Образцу*, а идет сам, прежде всего, от совершенного подвига, от уже явленной в этом подвиге святости человеком, «изобразившим» в себе Первообраз. И это Откровение о святости, явленное в лице святого, указывает на образец, по которому и заполняются, подобно прорисям в иконе, условно говоря, «литературные прорисы» (житийная «схема», или житийные «клейма»), если факты какого-либо периода жизни святого неведомы агиографу из биографических источников. Например, именно по причине сходства типа подвига преп. Александра Свирского с подвигом преп. Сергия Радонежского, чье житие было написано Епифанием Премудрым, с другими житиями преподобных (на что указывают исследователи) агиограф использует описанные там сюжетные моменты, перенося их в составляемое им житие. Естественная практика иконописца обусловлена законами иконописи — подобными же законами иконописания в слове определяется и поэтика жития.

Таким образом, проблема целостного анализа произведения древнерусской агиографии, как и агиографии в принципе, может быть решена только при восстановлении взгляда на агиографический текст как на единство содержания и формы, в котором содержание *имеет право быть богословским, а анализ при этом может оставаться литературоведческим*. Как в произведениях художественной литературы Нового времени мировоззрение, художественная концепция, представление о человеке и мире, эстетическая установка автора формируют создаваемый образ героя, так и в средневековой литературе действует закон связи мировоззрения и создаваемого произведения, при всех принципиальных отличиях этих двух типов словесности — художественной литературы и средневековой словесности. Поэтому в анализе произведений агиографии следует идти от мировоззрения, типа мышления агиографа, той картины мира, в реальности которой он себя осознает и которую воссоздает в житии; от законов жанра, его генетической и функциональной причастности к контексту Церковного Предания (связи с богослужебной практикой), а также от особенностей литературной эпохи, сложившихся в каждом конкретном периоде стилевых систем, разработанных средневековыми писателями литературных форм.

Если древнерусская агиография как явление средневекового жанра исследуется медиевистами, пусть и в недостаточной мере, то этого нельзя сказать обо всей русской агиографии. Ведь и после перехода словесности от Средневековья к Новому времени в конце XVII — начале XVIII века агиография не прекращает своего развития вплоть до сегодняшнего дня, хотя это развитие не было равноценным для всех периодов истории русской словесности. Что вполне объяснимо: агиография неразрывно связана с историей Церкви, и прежде всего — с историей святости, которая являет себя в конкретно-исторических условиях и в исторических личностях. Не случайно оскудение агиографической литературы наблюдается в Петровское время, в Синодальный период, ибо сокращается количество канонизаций, с которыми связано составление житий. Но зато святитель Дмитрий Ростовский в XVIII веке создает свои знаменитые *Минеи Четы*, опираясь на *Великие Минеи Четы* Макария и на *Acta Sanctorum* болландистов, и этот труд выводит русскую агиографию на новый уровень.

Одна из насущных проблем — изучение русской агиографии Нового и Новейшего времени. Современная агиография конца XX — начала XXI века пока никак не оценивается русским литературоведением, ее просто не замечают, выводя за пределы словесности. А между тем в последние четверть века с необычайной интенсивно-

стью была создана — и продолжает создаваться — целая библиотека агиографической литературы, обладающая огромным внутренним потенциалом развития. Это обусловлено, прежде всего, самим фактом расцвета русской святости в XX веке, о чем говорят совершаемые с конца 1980-х годов Русской православной церковью канонизации святых — новомучеников и исповедников российских XX века, подвижников благочестия и других святых, включая имена из предыдущих веков (например, благоверного князя Дмитрия Донского, блаженной Ксении Петербургской, преп. Кирилла и Марии, родителей преп. Сергия Радонежского и др.).

Современная агиография — явление неоднородное, разностилевое, использующее разные жанровые формы: от строго документальной прозы до художественных форм повествования (исключая, конечно, вымысел и воображение как способ создания текста). Это важнейшее явление словесности XX — начала XXI века ждет своего исследователя.

Невозможно в рамках одной статьи даже в самом общем виде осветить все проблемы изучения русской агиографии, мы и не ставили такой задачи. Но с очевидностью можно утверждать, что ключевыми здесь выступают проблемы создания концепции изучения русской агиографии, ее периодизации, разработки методологии ее изучения, принципов целостного анализа, объединяющего «историко-богословский, исторический, социально-культурный и литературный» подходы, а также критического издания древнерусских житий.

Список литературы

1. Андроник (Трубачев), игум. Агиология // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 252–253.
2. Афиногенов Д. Е. Acta Sanctorum // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 420.
3. Афиногенов Д. Е. Житийная литература // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 19. С. 283–345.
4. Буланин Д. М. Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. Проза. СПб., 1995. Т. 1. С. 17–73.
5. Гладкова О. В. Житие Евстафия Плакиды в русской и славянской книжности и литературе IX–XX веков. М., 2013.
6. Живов В. М. Святость : краткий словарь агиографических терминов. М., 1994.
7. Житие Андрея Юродивого / подгот. текста, пер. и коммент. А. М. Молдована // БЛДР : в 20 т. / РАН, ИРЛИ ; под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. СПб., 1999. Т. 2. С. 330–543 ; 541–544.

8. Каравашкин А. В. Литературный обычай Древней Руси (XI—XVI вв.). М., 2011. (Сер. «Humanita»).
9. Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. Опыт исторической феноменологии: трудный путь к очевидности. М., 2003.
10. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979.
11. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.
12. Лурье В. М. Введение в критическую агиографию. СПб., 2009.
13. Никольский Н. К. Исторические особенности в постановке церковно-учительного дела в Московской Руси и их значение для современной гомилетики // Христианское чтение. 1901. №2. С. 220—236.
14. Руди Т. Р. Типика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Polemica. СПб., 2005. С. 59—101.
15. Творогов О. В. Переводные жития святых в древнерусской книжности XI—XV вв. // ТОДРП / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский дом) ; отв. ред. Н. В. Поньрко. СПб., 2008. Т. 59. С. 115—132.

Об авторе

Дорофеева Людмила Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия).
E-mail: lgdorofeeva@mail.ru

Для цитирования:

Дорофеева Л. Г. Проблемы изучения русской агиографии // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, №1. С. 11—23. doi: 10.5922/2225-5346-2017-1-1.

PROBLEMS OF STUDYING RUSSIAN HAGIOGRAPHY

L. G. Dorofeeva¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University.
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on April 18, 2017

This article outlines the major problems of studying Russian hagiography. The author responds to the challenge of performing a comprehensive analysis of a hagiographic text, while preserving the unity of the content and the form. Considering hagiography as an ecclesiastical genre and a form of the Sacred Tradition, the author addresses the analysis methodology and proposes to combine the principles of hagiology and literary and philological research on hagiographic texts. The primary focus is on understanding the category of

hagiographic topoi, which is linked to the concept of literary etiquette. This concept is examined from a polemic standpoint since it does not fully conform to the genesis and function of hagiographic topoi. It is concluded that the worldview and mindset of the hagiographer play a crucial role in the creation of a vita belonging to a particular historical period and church traditions. The author addresses the problem of studying Russian hagiographic literature of the modern and contemporary periods.

Key words: history of Russian literature, genre, hagiography, hagiology, hagiographical canon, hagiographical topos, poetics.

References

1. Andronik (Trubachev), hegumen, 2000. Hagiology. In: Patriarch of Moscow and All Russia Kirill, ed. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow. Vol. 1, pp. 252–253.
2. Afinogenov, D.E., 2000. Acta Sanctorum. In: Patriarch of Moscow and All Russia Kirill, ed. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow. Vol. 1, p. 420.
3. Afinogenov, D.E., 2008. Hagiographic literature. In: Patriarch of Moscow and All Russia Kirill, ed. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow. Vol. 19, pp. 283–345.
4. Bulanin, D.M., 1995. Ancient Rus. In Yu. Levin, ed. *Istoriya russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury: Drevnyaya Rus'. XVIII vek. Proza* [History of Russian translated imaginative literature: Ancient Rus. XVIII century. Prose]. St. Petersburg. Vol. 1, pp. 17–73.
5. Gladkov O.V., 2013. *Zhitiye Evstafiya Plakidy v russkoi i slavyanskoi knizhnosti i literature IX – XX vekov* [Hagiography of Evstafiy Plakida in Russian and Slavic literacy and literature IX – XX centuries]. Moscow.
6. Zhivov, V.M., 1994. *Soyatost'. Kratkii slovar' agiograficheskikh terminov* [Holiness. A brief dictionary of hagiographic terms]. Moscow.
7. Moldovan, A.M. ed., 1999. Hagiography of Andrey Holy Fool. In: D.S. Likhachev et al., eds. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of the Ancient Rus literature]. St. Petersburg. Vol. 2, pp. 330–543 ; 541–544.
8. Karavashkin, A.V., 2011. *Literaturnyi obychai Drevnei Rusi (XI – XVI vv.)* [Literary custom of Ancient Rus (XI–XVI centuries)]. Moscow.
9. Karavashkin, A.V. and Yurganov, A.L., 2003. *Opyt istoricheskoi fenomenologii: Trudnyi put' k ochevidnosti* [Experience of historical phenomenology: a difficult path to obviousness]. Moscow.
10. Likhachev, D.S., 1979. *Poetika drevnerusskoi literatury* [Poetics of ancient russian literature]. 3rd ed. Moscow.
11. Likhachev, D.S., 1970. *Chelovek v literature Drevnei Rusi* [Man in the literature of Ancient Russia]. Moscow.
12. Lur'e, V.M., 2009. *Vvedenie v kriticheskuyu agiografiyu* [Introduction to critical hagiography]. St. Petersburg.

13. Nikol'skii, N.K., 1901. Historical features in the formulation of church teaching in Moscow Rus and their significance for the modern homiletics. *Khris-tianskoye chtenie* [Christian reading], 2, pp. 220 – 236.

14. Rudi, T.R., 2005. Topology of russian hagiographies (questions of typology). In: S. A. Semyachko and T.R. Rudi, eds. *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Publikatsii. Polemika* [Russian hagiography. Research. Publications. Controversy]. St. Petersburg. pp. 59 – 101.

15. Tvorogov, O. V., 2008. Translated hagiographies of saints in ancient russian bookishness XI–XV centuries. In: N.V. Ponyrko, ed. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of ancient russian literature]. St. Petersburg. Vol. 59, pp. 115 – 132.

About the author

Prof. Lyudmila G. Dorofeeva, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: lgdorofeeva@mail.ru

To cite this article:

Dorofeeva L.G. 2017, Problems of studying Russian hagiography, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 8, no. 1, p. 11 – 23. doi: 10.5922/2225-5346-2017-1-1.